

Цветочник

(2-ая часть, окончание, начало в № 1, 2023 г.)

Однажды директор дома интерната, обходя свои владения: постройки, склады, учебные мастерские, увидел недавно принятого на работу сторожа, который суетился около полуразрушенной и недействующей теплицы.

Подойдя ближе, заметил, что тот натягивает плёнку на рамах с побитыми стёклами. Часть рам уже была затянута. Удивился, разговорились. Посетовал директор:

– Пробовали наладить уже не раз, и люди понимающие были, а вот не шло у нас дело с теплицей и всё: то условия работы их не удовлетворяли, то тепла мало, то наши окна похлещут, а застеклить некому, то ещё что-то, так что, в конце концов, рукой махнули. Но если, как ты говоришь, нравится тебе это дело, то возьмись, а уж я и материалы дам, и тепло подключим, наших самых младших подошлю, они всегда рады помочь, да и парочку серьёзных старшеклассников.

Директор взялся за дело круто, как, впрочем, и привык, дал всё, что обещал, и очень скоро, уже на следующий день, подошли ребята, и работа закипела. Делали сами раствор и замазывали проёмы в кирпичной стене. Частью застеклили, частью затянули плёнкой рамы. Сантехники подключили отопительную систему. Тепла было мало. От бетонного неутеплённого пола несло льдом. Принялись перекрывать досками, затем линолеумом. И только тогда Василий со своей малышнёй начали высаживать семена.

Времени, которого оставалось от ухода за ростками, за удобрением почвы, за топкой печи, стоявшей посредине,

которую Василий топил каждую ночь, за латанием плёнки, не всегда хватало даже на сон.

Директор заходил частенько в теплицу: ему нравился так преобразившийся, оживший уголок, может быть, ещё какие-то мысли грели сердце директора. Историю цветочника он уже знал. А однажды услышал вот что:

– Мне сон снился всё время один и тот же. Вернее, до теплицы он не был такой ясный. А вот как продал цветы первый раз, так вскоре его и увидел. Иду я в магазин за чем-то, за молоком что ли, знаю, что ещё не поздно, а людей нигде нет, небо тёмное сплошь, серое, стоят огромные многоэтажные дома, а света в окнах нигде нет. И ветер. Он всегда навстречу. Нигде ни одного человека, только ветер воет, и я иду... один... Я сначала не понимал, почему такой сон ясный, как явь, а потом человека увидел одного и понял, что делать надо.

– Ну и что он тебе сказал? – спросил директор

– Он ничего не сказал – он без памяти был, а потом умер.

– Послушай, Василёк, ты в психушку не обращался? – с ехидцей спросил директор.

– Меня туда жена отправила, когда я ей то же самое говорил, что вам говорю. Но доктор сказал, что если это и болезнь, что я цветы продавать не могу, то хорошая.

– А ему там хорошо говорить. А вот попробовал бы он на моём месте покрутиться, – взорвался директор. – Я бы посмотрел, как бы он тогда заговорил. Фонды мизерные, дотаций никаких. Выпускной класс, девки, парни уже взрослые, а их и выпускать не в чем, ни одной приличной вещи на них нет, – с гневом закончил тираду директор. Но, посмотрев на тупо уставившегося в одну точку Василия, махнул рукой.

– Ладно, не буду я трогать твоих цветов.

На том дело и кончилось, но соблазн-то был велик.

Василий Ефимов был официально приглашён на районное собрание цветоводов-любителей. И во время его отсутствия,

в каких-то полтора часа, все цветы были срезаны, уложены в ящики, а затем увезены и сданы торгующим организациям, а частью напрямую покупателям. Сделка была совершена, деньги были получены и даже оприходованы на вещи старшеклассникам, а вечером вернулся Василий. И вновь сидел он, как сидел уже однажды перед разрушенной теплицей, так и теперь перед срезанными цветами, чувствовал горечь утраты, но не теплицы или цветов, а гораздо более значительного, может быть, того, что связывает человека с жизнью.

Вошёл к директору, сел и выслушал получасовую речь его: о всеобщем долге перед молодыми судьбами, о совести, об обязанности каждого делать дело честно, тогда и будет порядок, о трудностях в обеспечении, о нехватке средств для интерната и, в заключение, о премии, которая ожидает Василия.

– Ну, понял? – спросил под конец директор.

Василий встал и пошёл к выходу. Директор, с явным облегчением, опустил в своё кресло, нелегко ему дался разговор, по-человечески нелегко. Ну, да ладно, Бог с ним, ведь всё позади. Но вдруг Василий, уже взявшийся за ручку двери, остановился и сказал, не оборачиваясь: «Семёныч, если будет продан ещё хоть один цветок, мне не жить». Голос глухой, как из погреба, и спина напряжена, как после удара и ожидающая нового.

Вышел и пошёл наводить порядок в своём хозяйстве. Спокойно, как человек, снявший с себя тяжкий груз, решивший для себя всё.

Что же касается Ивана Семёновича Рудых, гвардии сержанта взвода армейской разведки Белорусского фронта, прошедшего четыре страшных года войны по полям, выдавшего и перевидавшего, казалось, всё на своём веку, лицо его стало недвижимым, а в висках застучало. Он ощутил дно души чело-

века, эти слова, страшные в своей простоте и выполнимости, выражали терпение, границу возможности человека нести в этом мире своё восприятие, своё понимание, быть собой. Нет этой возможности – нет и жизни. Так было, есть, так и останется. Директор понял одно – этот человек сделает так, как сказал. Долго пришлось ему сидеть и думать над одним только вопросом: «Почему человек, не щадивший себя в войну и живущий по совести, в этом нет никаких сомнений, ведь всё время в труде, в заботе об интернате, с редкими руководителями не в конфликте, выговорами весь увешан, как ёлка игрушками, но, может быть, поэтому и интернат один из лучших в области, и профессии дети получают востребованные, и сами они поувереннее себя чувствуют, ведь знают свои права, противопоставлен другому человеку, который тоже живёт по совести. Что это две правды, но ведь истина-то всегда одна?» Умом не мог дойти, но остановился директор в стараниях своих.

И вот в разгар весны и солнца заалели, зарозовели, запестрели в самых разных домах и у самых разных людей цветы не купленные, дарёные.

В цехах у шефов, на окнах и на станках, в яслях и магазинах, интернатовские малыши, которые выращивали живые летние брызги, несли их и дарили не за что-то или в честь чего-то, а просто так, только потому уже, что ты человек. И какой бы ты ни был, значит, ты такой, какой ты можешь быть, и если завтра, поутру проснувшись, ты улыбнёшься, увидев цветы не купленные, а подаренные, значит, ты стал лучше.

Мальчишки и девчонки, однажды отвергнутые взрослым миром, принимали этот мир таким, каков он есть, несли в него свою простоту и доверчивость.

Интернатовская теплица выбросила из своего чрева громадный букет, живых, пахнущих солнцем, летом, теплом нежных цветов, который накрыл городок.

Но Василий не видел этого праздника жизни. Он трясся над своими грядками и старался быстрее уйти, если заходили люди просто поблагодарить за его труд. Люди не знали, что Василий Ефимов оплачивает свой вечный долг не перед людьми, а перед собой.

Ему каким-то образом удалось убедить окружающих, что брать деньги за товар (в данном случае цветы) не нужно. Эту цену назовёт сам человек, который хочет приобрести цветы, и даст он ровно столько, сколько сможет, то есть то, что идёт от души, от сердца. С подобной формулой «деньги-товар» вся мировая экономика впадает в ступор, но, тем не менее, процесс шёл и довольно успешно. Хотя были и сбои, но было их намного меньше, чем положительных моментов. То есть оплата в виде безвозмездной помощи намного перекрывала те средства, которые интернат мог бы получать от прямой фиксированной продажи...

В один из майских дней, когда директор интерната находился на заводе (как всегда, у шефов выбивал материальную помощь), в разговоре с заместителем директора завода, своим давним знакомым, услышал от него встречную просьбу, и вот какую. Прямо около заводоуправления под окнами была разбита неказистая клумбочка с неопределёнными цветочками. На всё это невозможно было смотреть без слёз. Просьба заключалась в следующем: помочь сделать большую красивую и по возможности оригинальную и где-то даже эксклюзивную клумбу, чтобы не стыдно за неё было, как-никак, а место видное.

Директор интерната передал разговор слово в слово Василию, а тот начал чесать затылок: дело было явно новое и не хотелось ударить в грязь лицом. Несколько дней Василий со старшими решали, спорили насчёт проекта и решили построить семи ярусную клумбу с разноцветной цветочной гаммой

по каждому уровню с рабочим названием «Цветик семицветик». Получилась настолько интересная композиция, что тот, кто там бывал, не мог просто пройти мимо, обязательно останавливался и восхищался этим рукотворным сочетанием живых форм и цвета.

У шефов предприятием был довольно крупный машиностроительный завод, где в управлении всегда толкались люди: снабженцы, смежники, подрядчики, руководители района и даже города. И, конечно, этот тенистый оазис с небольшим фонтаном, удобными скамеечками для отдыха и богатейшей цветовой палитрой всех цветов радуги самой клумбы заинтересовал многих, кто хотел бы иметь такой или подобный проект природной релаксации на своей усадьбе или на территории предприятия.

Одним словом, не успел директор распределить деньги, полученные от шефов, впервые значительно больше, чем обещалось (машиностроители умели быть благодарными), заказы посыпались, как из рога изобилия. А дальше пошла работа. И эта работа легла, конечно, на плечи Василия. Безусловно, огромный многолетний опыт работы со своими добровольными помощниками по выращиванию самых разнообразных цветников помог ему в создании живого, сплочённого, крепкого, разновозрастного коллектива от 18-ти до 10-ти лет. Коллектива, способного преобразовывать природные пространства с помощью естественных компонентов: трав, цветов культурных кустарников, деревьев, малых деревянных форм типа беседок и пергол, а также камня для прудов и альпийских горок. Первым понял, чем является эта возможность дополнительного источника доходов, конечно, был сам директор. Ещё бы!

Шли девяностые годы, и интернат балансировал из-за недофинансирования на грани закрытия. Поэтому Семёныч дал

зелёный свет по всем направлениям: командировки в любое время, свободное посещение занятий (но с обязательной до сдачи пропущенного учебного материала). Первые заказы отработывали одной бригадой, но быстро поняли, что производительность не та. Подтягивали молодых, создавали сквозные потоки, учились работать по заказам на бегу, то есть, учитывая фактор времени. Получалось не всё, и не сразу, но, тем не менее, и во-первых: почти неограниченный людской ресурс почти профессионалов, их молодости, их энтузиазма, их безграничной веры в справедливость своих руководителей, во-вторых: профессионализм и талант Василия, и, наконец, в третьих – это способности Железной Ритки, бывшей воспитанницы интерната, а ныне жены Василия, Маргариты. Она была на 17 лет моложе его и по сути являлась реальным директором фирмы ЛКД, имела врождённую способность (за счёт своего стального характера) заключать добротные договора, а главное, добиваться их неукоснительного исполнения хоть от заказчиков, хоть от подрядчиков. Перечисленные факты и были теми краеугольными камнями, на которых базировался успех всего предприятия.

Знаковым для организации был момент приглашения Хозяйственным Правительством Москвы фирму ЛКД для нестандартного композиционного покрытия части прикремлёвских газонов. Основанием для приглашения была победа в весеннем конкурсе, проводимом журналом «Ландшафтный дизайн». Название картины, именно картины, (а по-другому её не назовёшь), которую Василий создал со своими помощниками в одном из коммерческих центров города, называлась «Каравелла», и если немного постоять около неё и набежит даже небольшой ветерок, происходит чудо – картина оживает. Белые буруны вырываются из под кия, мачты начинают раскачиваться, тёмно-зелёные океанские волны бьют в крепкие

борта, а вверху плывут белоснежные облака, и кажется, что сейчас на палубу вылезет старый пират Джон Сильвер со своим попугаем на плече и закричит: «Пиастры! Пиастры!»

Заказ на цветочное покрытие кремлёвских газонов не был высшим рангом мастерства и мог быть выполнен бригадами Василия, но степень ответственности, сама работа в сердце столицы государства Российского, конечно, вызывала трепет. Поэтому Василий сам работал и контролировал все этапы производства. И вот, однажды, перед самым окончанием работ и рядом с местом работы цветочника прогуливались два человека. В одном из них Василий узнал человека, близко приближённого к президенту. «Обратите внимание, чего может достичь человек любящий и знающий свою работу», – произнёс тот, показывая на цветочное панно.

– Уверю вас, что большинство нашего народа знает и любит свою работу, – сказал Василий, вставая с колен и отряхивая спецовку.

В ответ – стальной взгляд, но и некий интерес к фигуре Мастера, который стоял, вытирая руки ветошью, и широко улыбался подошедшим. «Ну, об этом-то нам известно лучше многих...» – закруглил разговор министр, после чего оба гостя не спеша удалились...

Умер Семёныч, устало биться большое сердце большого человека. На похоронах гвардии старшего сержанта Рудых Ивана Семёновича седовласые мужики рыдали, как дети. Ополчение ветеранов потеряло одного из своих правофланговых. Добрый след оставил он на земле, отстаивая и в былых боях, и в повседневных буднях свободу и правду своего народа. Много мальчишек и девчонок, уже сами став папами и мамами, писали ему письма, приезжали со своим семейством в гости, и никому не было отказа, и он им всегда был рад. Свыше тысячи человек самых разных возрастов

пришли проводить его в последний путь, выразить уважение и признательность за то, что он прожил свою жизнь так, как он её прожил – порядочно, открыто, честно...

Известно стало, что Василий с Ритой кроме работы по ландшафтно-клумбовому дизайну занимаются организацией современной зимней оранжереи в Подмоскowie, работающей на вторичном тепле и на автоматическом поливе.

Но, наверное, самым интересным направлением на тот момент являлось создание различных цветочных релаксационных зон ожидания (например: больниц, вокзалов, офисов и т. д.), а также создание кабинетов психологической разгрузки с доминированием в качестве воздушных наполнителей цветочных ароматов. Человек, даже ненадолго попадающий в помещения, где вместо мёртвых бетонных стен и потолков его среды обитания располагается живое цветочное панно с ниспадающими гирляндами, а под ногами он видит настоящую зелёную траву, то первое его произвольное желание – это разуться, походить по этой траве босиком и наполнить себя этим чарующим запахом – ароматом жизни и цвета. Учёные и психологи доказали, что живые цветы способны не только избавлять человека от тревожно-депрессивных состояний, что само по себе является началом исцеления любого психосоматического (обратно прошу прощения) заболевания, но и формировать правильные связи с окружающими людьми, создавать атмосферу доброжелательности со всем миром. Видимо, создание миниоранжерей, различных островков и полянок из живых цветов по месту работы и жизни продиктована потребностью снизить степень агрессивного влияния мёртвого камня мегаполиса на человека.

Василий вместе с супругой получил официальное приглашение на организацию изготовления нескольких оздоровительных и релаксационных цветочных комплексов от одной

крупной шведско-финской фирмы. Контракт на два года. После долгих раздумий решили: «А почему бы и нет?» Собравшиеся в день отлёта в Шереметьево все родственники Василия представляли собой довольно большую шумную и пёструю компанию. Внучки, Саша и Маша четырёх и пяти лет, с визгом и смехом осваивали пространство аэропорта. Дочери-двойняшки Марина и Ирина гонялись за ними, пытаясь уговорить не бегать, но это слабо помогало. Мужья их, а для Василия, соответственно, зятя, демонстрировали солидность и с охотой поддерживали разговор. Старшая дочь Катя приехала с восемнадцатилетним сыном Игорем, готовившим себя к военной карьере. В их судьбах Василий также принимал активное отцовское участие, как и в судьбах младших дочерей. Он активно общался со всеми членами своего семейства и был очень рад тому, что все они собрались на их с Ритой проводы. С лица его практически не сползала довольная и где-то даже самодовольная улыбка.

Объединённая Европа признавала авторитет Мастера, протягивала ему руку солидарности, предлагая равноправную партнёрскую деятельность, была ему благодарна за то, что русский Мастер великодушно принял её предложение. Прозвучало приглашение на посадку. Последние наставления, прощальные поцелуи, объятия и вот, вскоре «Боинг», оттолкнувшись от грешной земли, взял курс на Хельсинки. Мастер и его Маргарита летели в новый неизведанный мир...

Во всех североевропейских странах цветочный бизнес поставлен практически на государственный уровень. Десятки (если не сотни) тысяч специалистов трудятся по углублению, расширению, а главное, по открытию и внедрению новых видов цветочных технологий и услуг. И, тем не менее, выбор пал на русского Мастера. Почему? Те, кто создали этот концерн (или другую любую стабильно работающую систему),

прекрасно разбираются в человеческой психологии, иначе бы они его просто не создали. Цветок – это уникальный живой организм, активно реагирующий на все события, происходящие в среде. Причём в понятие среда входят не только биологические факторы (влажность, питание, температура, солнечный свет и пр.), но и психологические, когда цветы связываются с человеком, который выращивает их и ухаживает за ними. Связь эта может осуществляться как в режиме ретранслятора, так и в режиме приёмника, показывая путь решения проблемы и усиливая положительную энергию резонансных волн.

«Спасись сам, и около тебя спасутся тысячи». Нечто подобное возникло в жизни Василия после того, как он пережил кризис, связанный с гибелью парня из далёкого 1976 года, пожертвовавшего собственной жизнью ради спасения незнакомого ребёнка. За многие годы сотни и сотни добровольных помощников Василия, из интернатовской ребятни, трудились над созданием цветочных шедевров, а вместе с тем приобретали у него такие качества, как бескорыстие, трудолюбие, взаимовыручка, уважение.

Способность к сопереживанию и готовность к самопожертвованию являются отличительной чертой русского человека и русского народа. В личном общении Василия с руководителем концерна шеф получил, своего рода, подтверждение статуса русского человека и статуса русского профессионала. Судя по всему, в процессе развития мира, как современных, так и перспективных технологий и открытий статус Русского Мастера является самым высоким, самым значимым среди прочих. Других объяснений просто нет...